

СТАТЬИ

В. И. МАРКОВИН

НОВЕЙШИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОЛЬМЕНОВ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ
ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Несколько лет тому назад (1974—1978 гг.) вопрос о происхождении дольменных памятников занимал первенствующее место в археологии Западного Кавказа. Ученых словно не интересовали не менее актуальные и также трудноразрешимые вопросы о хронологии дольменов, о связях населения, строившего их, с соседними племенами, о тех археологических предметах, которые могут определять их культуру. Эти задачи словно не были важными, речь шла только о происхождении западнокавказских мегалитических построек. В спорах приняли участие этнографы (Ш. Д. Инал-Ипа, Я. А. Федоров и др.), но и это не подтолкнуло к положительному решению вопроса. Мало что изменилось с тех пор.

Еще в 1968 г. А. М. Лесков сравнивал кеми-обинские каменные гробницы с западнокавказскими дольменами, считая их «крымским локальным вариантом единой дольменной культуры», территория которой охватывала, по его мнению, «все Северо-Западное Причерноморье»¹. В дальнейшем А. М. Лесков еще более укрепился в таком предположении. У него гробницы Крыма — результат движения племен дольменной культуры из Абхазии по рекам Кубанского бассейна и далее через Таманский полуостров и Керченский пролив². О продвижении строителей дольменов за пределы Кавказского Причерноморья писали Л. Н. Соловьев, Ш. Д. Инал-Ипа, В. И. Марковин, И. М. Чеченов и др. А. М. Лесков слабоизученным в культурном отношении строителям западнокавказских дольменов приписывает еще генетическое родство с кеми-обинскими племенами.

О контактах населения Крыма и Кавказа в эпоху палеометалла писал В. Н. Даниленко, но он отмечает связь кеми-обинской культуры с «родственной» для нее майкопской культурой, дольменная даже не упоминается³.

А. А. Щепинский, выделивший кеми-обинскую культуру, не считает возможным сопоставлять характерный для нее инвентарь с дольменными, а встречающиеся в Крыму сосуды с округлым дном сравнивает с ямными. В целом приводимые им параллели ограничиваются ямными памятниками и ссылками на некоторые комплексы майкопского типа⁴.

Итак, судя по этому обзору, дольменная культура не равна кеми-обинской и вряд ли связана с нею четко выделяемыми генетическими корнями. Скорее всего, речь может идти о влиянии дольменов Западного Кавказа на древности Крыма⁵. Это тем более реально, так как связи между племенами, населявшими их, возникли довольно рано⁶ и не прекращались на протяжении всей эпохи бронзы (коллекция Областного краеведческого музея в Симферополе). Но если удастся положительно разрешить вопрос о происхождении дольменов Кавказа, то, мне кажется, это поможет разобраться и в генезисе кеми-обинской культуры.

Прямолинейно и почти без всяких сомнений решали вопрос о происхождении дольменов Западного Кавказа В. А. Сафронов и Н. А. Николаева. В работе, изданной еще в 1974 г., они рассматривали местные дольмены как своеобразный результат проникновения на территорию Кавказа носителей культуры шаровидных амфор. Основанием для такого утверждения послужило некоторое чисто внешнее сходство сосудов данной культуры с той керамикой, что была найдена в дольменах ст. Новосвободная, а чтобы легче было оперировать таким «материалом», они отделили памятники майкопского типа от новосвободненских⁷, хотя большинство ученых считают их в культурном отношении взаимосвязанными и лишь разноэтапными (А. А. Иессен, С. В. Киселев, А. А. Формозов, Р. М. Мунчаев и др.). Это мнение авторами было не очень тщательно обдуманно. Дело в том, что и в дольмены ст. Новосвободная керамика майкопского типа оказалась привнесенной, так как мегалитические гробницы не характерны для майкопской культуры⁸. Но как бы не решался вопрос о керамике указанных погребальных сооружений, в большинстве местных дольменов такой керамики нет, а это означает, что культура шаровидных амфор, если даже она доходила до Кавказа, в становлении западнокавказских мегалитов никакой роли не играла. Однако несмотря на заключения специалистов, ярко суммированные Ю. Н. Малеевым, что давно пора отказаться от самого понятия «культура шаровидных амфор Северного Кавказа», как от неверного⁹, В. А. Сафронов и Н. А. Николаева все чаще прибегают к нему, когда речь идет об осмыслении северокавказских материалов.

В недавно вышедшей статье Н. А. Николаевой, посвященной, казалось бы, постороннему для изучения дольменов вопросу — о выделении «кубано-терской культуры» (иначе говоря, о замене термина «северокавказская культура» новым), неожиданно снова поднят вопрос о происхождении дольменов. В этой работе, написанной несколько поспешно, керамические находки, покрытые орнаментацией из оттисков шнура и характерные для всего Северного Кавказа II тысячелетия до н. э., но ни разу не встреченные среди дольменной керамики, почему-то стали служить основанием, чтобы сопоставлять дольмены Западного Кавказа с мегалитами Воьльни, Польши и ГДР, хотя Н. А. Николаева тут же вынуждена заметить, что у нее нет «данных включать дольмены в северокавказские комплексы»¹⁰. Зачем же тогда нужно было сравнивать несравнимые объекты? Из текста этой работы совершенно неясно, причем тут дольмены Западного Кавказа и совершенно несхожие с ними погребальные памятники бассейна Кубани и терской (восточной) части Кавказа. Интересно и то, что если раньше, говоря об интересующих нас дольменах, им пытались найти параллели только среди памятников культуры шаровидных амфор, то теперь стала обретать силу новая, усложненная теория. Постараемся разобрать ее по пунктам: 1) культура новосвободненских дольменов ничего общего с майкопской культурой не имеет, «изолирована» от нее и «тяготеет» к кругу памятников культуры шаровидных амфор и культуры шнуровой керамики; 2) именно строители новосвободненских «гробниц» «принесли» впервые на Северный Кавказ мегалитическую архитектуру; 3) несколько позже возникли контакты населения, оставившего новосвободненские дольмены, с носителями куроаракской культуры и через их «посредство» с Ближним Востоком; 4) к указанным связям надо приплюсовать «морские походы в Средиземноморье», которые «обогатили технику строительства» дольменов, принесли в нее «средиземноморские традиции». В результате «оформилось восточное крыло мегалитической архитектуры Европы на Северо-Западном Кавказе»¹¹.

Итак, старая теория В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой о происхождении западнокавказских дольменов в результате проникновения носителей культуры шаровидных амфор частично отвергнута. Теперь Н. А. Николаева, чтобы дополнить те факты, которые не увязываются с этой старой теорией, волей или неволей вынуждена, не упоминая мои ра-

боты, повторить мысли, высказанные в них о средиземноморском происхождении мегалитической архитектуры на Кавказе, а попутно вспомнить и мнение Р. М. Мунчаева о связях куро-аракской культуры с Востоком, но опять-таки без упоминания его имени. Если изобразить теорию Н. А. Николаевой графически, то она должна выглядеть разорванной ломаной линией: дольмены Западного Кавказа являются ответвлением северных сооружений, но тут первый разрыв, так как это мнение подкреплено небольшим числом беглых примеров; дольмены Западного Кавказа были связаны с куро-аракской культурой и со странами Востока, но тут в теории Н. А. Николаевой новый разрыв — мы не знаем комплексов куро-аракской культуры на Кубани и характерные для нее предметы не найдены в дольменах; дольмены Западного Кавказа генетически не связаны с «кубано-терской культурой» (т. е. северокавказскими памятниками эпохи бронзы), как это утверждает автор. Здесь третий обширный разрыв — керамика, находимая в дольменах, не похожа на северокавказскую, она не имеет оттисков шнура, и сами дольмены конструктивно далеки от примитивных склепов, ящичков и грунтовых ям, характерных для бассейнов Кубани — Терека. Эта теория несамостоятельна и мало что добавляет к уже высказанным мнениям.

К середине 80-х годов был снова поднят вопрос о древнем, малоазийском населении «кашковых», с посреднической помощью которых дольмены появились на Западном Кавказе. Это мнение, высказанное Я. А. Федоровым, не ново. В нем заметна теория Л. Н. Соловьева о возникновении особой, «южно-дольменной культуры» под влиянием «кашковых»¹². Я. А. Федоров считает, что само положение Малой Азии «в ареале древнейших анатолийско-кавказских связей, как культурных, так и этнических», и явилось основой возникновения дольменов Причерноморья и Прикубанья. Это утверждение странно, так как сами «кашки» дольменов не строили и в Малой Азии они не найдены. Им высказано попутное и очень противоречивое утверждение, из которого следует, что дольмены новосвободненского типа, как прародитель всех будущих дольменов, были построены в подражание могильной конструкции в Майкопском кургане: «и там и тут двухкамерный склеп, но в Майкопе он выполнен из дерева: а в Новосвободной — из каменных плит»¹³. Автор ошибся. В Майкопе Н. И. Веселовским была вскрыта могильная яма, обложенная по краям деревом и разделенная такими же перегородками на 3 неравные части в виде буквы Т¹⁴. В другой своей работе Я. А. Федоров пишет, что «квадратная яма» Майкопского кургана схожа с грунтовыми могилами чисто степной ямной культуры эпохи ранней бронзы¹⁵. Возникает мысль, а не приведут ли такие противоречивые сопоставления еще к одной, новой версии, что дольмены Западного Кавказа генетически связаны и с названной культурой¹⁶.

Как видим, вопрос о соотношении майкопских древностей и памятников, относимых к новосвободненскому кругу, не так прост и не решен раз и навсегда. В связи с этим следует упомянуть настойчивое желание считать, что дольмены Абхазии древнее всей остальной массы аналогичных построек (Л. Н. Соловьев, О. М. Джапаридзе, Ш. Д. Инал-Ипа и др.). Основанием для такого утверждения служит не сравнительный анализ тех и других построек и инвентаря, а, очевидно, географически более южное положение абхазских дольменов относительно памятников Краснодарского края. Реальных оснований для этого пока нет. Наиболее примитивными являются дольмены без отверстий, которые известны и в пределах Абхазии и севернее ее. Инвентарь уже упоминавшихся новосвободненских дольменов, каким бы путем он ни попал в их камеры, не менее архаичен, чем обнаруженный в абхазских сооружениях¹⁷. Таково положение вещей. Только совсем недавно наметились эволюции и в этом вопросе. Так, абхазский археолог Ю. Н. Воронов, ранее утверждавший, что дольмены Абхазии являются «самыми ранними на Кавказе»¹⁸, теперь склоняется к тому, что «первый этап материальной культуры строителей дольменов» характеризуется памятниками новосвободненского обли-

ка¹⁹. Имеется и другое его высказывание, по которому новосвободненские дольмены, как и некоторые памятники Абхазии («гробница в Ахупач»), представляют собой «отдельный вид памятников дольменной культуры»²⁰. Остается неясным, имелись ли в период существования указанного «вида» дольменов еще какие-либо синхронные им сооружения, или же только постройки «новосвободненского вида» заполняли весь хронологически «первый этап» в цепи западнокавказских мегалитов. И все же мнение Ю. Н. Воронова существенно меняет картину расселения древних строителей дольменов, которое, по-видимому, происходило одновременно и на широкой территории, а не только в пределах одной Абхазии. Ю. Н. Воронов согласен также с тем, что «кашки не играли какой-либо роли при возникновении дольменов». Он пишет, что «первоначальное экспериментирование» в строительстве дольменов началось еще в недрах майкопской культуры²¹. Однако для подкрепления своего взгляда им приведены памятники, расположенные на периферии культуры (гробницы в Нальчике и у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии). Относятся они к тому времени (последние века III тысячелетия до н. э.), когда дольмены уже строили и майкопская культура переживала свой закат²². Это было время не «экспериментов», а начала массового строительства мегалитических гробниц.

Одним из знатоков древностей Прикубанья является А. А. Формозов. Мимо его внимания не прошли вопросы, связанные с дольменами. В одной из своих ранних работ он достаточно ясно заметил, что «идея дольмена» пришла на Кавказ извне²³. Несколько позже он подтвердил этот тезис, конкретизируя его следующим образом: местные аборигены обладали навыками в обработке камня. Об этом свидетельствуют наблюдения, сделанные им и А. Д. Столяром во время раскопок поселения эпохи бронзы в местности Хаджох (ст. Каменноостская, Краснодарский край). Итак, древние жители Прикубанья — носители майкопской культуры раннего этапа — готовы были «усвоить разработанную в другом месте и другими людьми технику сооружения дольменов»²⁴. К сожалению, автор не указал, откуда же пришла на Кавказ мегалитическая архитектура. Но с высказанным А. А. Формозовым мнением можно согласиться, если считать, что «идею дольменов» могли принести живые люди, слившиеся затем с аборигенами.

Несмотря на всю кажущуюся архитектурную простоту дольменов («четыре блока — стены и один блок — крыша»), создание их не могло быть найдено самостоятельно в разных частях света чисто эмпирическим путем», как утверждает это историк архитектуры М. И. Джандиери²⁵. Она не учитывает локальные особенности дольменных сооружений, а ведь отличаются же постройки североамериканских стран от дальневосточных, те — от индийских, а средиземноморские, включая в их число западнокавказские, от всех остальных. Значит, в каждом случае надо выделять древнейшие группы памятников, а затем уже думать о том, каким же путем они распространялись, занимая более широкую территорию. Только во всех случаях надо помнить, о каких конструкциях идет речь, не спутаны ли памятники, подводимые под понятие «дольменов», с другими, не имеющими к ним отношения. И именно с таким случаем путаницы приходится столкнуться, когда просматриваешь литературу о дольменах. Это обстоятельство еще более усложняет изучение памятников Западного Кавказа.

Л. Г. Нечаева и В. В. Кривицкий после открытия склепов эпохи бронзы у сел. Ирганай, Гинчи (Дагестан)²⁶, Эгикал (Ингушетия)²⁷ и у г. Усть-Джегутинска (Карачаево-Черкесия)²⁸ стали называть их составными дольменами, дополнив указанные памятники небольшой серией ранее известных объектов (Берекей, Верхняя Рутха, Индыш-баши, Кяфар, Амгата, Сенты)²⁹. Ими оказались определены как «составные дольмены» самые разнородные памятники от относящегося к каякентско-хорочоевской культуре (Берекей) и до построек, стоящих у Сентинского храма X—XI вв. Ничто не может объединять их — ни время (разные

этапы эпохи бронзы и средневековья), ни культурная принадлежность, ни территория (от районов, примыкающих к Черному морю и до побережья Каспия). Кроме построек, обнаруженных в Карачае, все остальные, упоминаемые Л. Г. Нечаевой и В. В. Кривицким, сделаны из рваного, случайно подобранного камня. Это существенно отличает их от составных дольменов Западного Кавказа, которые всегда собраны из хорошо подогнанных блоков, с применением подшлифовок и пазов. Они имеют овально-округлые отверстия и другие детали, которые совершенно не характерны для упоминавшихся памятников Дагестана, Ингушетии и Северной Осетии. Археологические материалы из этих памятников ничего общего с дольменными не имеют³⁰.

Чем же объясняет Л. Г. Нечаева «расширительное» понимание термина «составной дольмен»? Прежде всего тем, что дольменом соответствующего типа, по ее мнению, можно называть не постройку определенной конструкции с присущими только ей строительными особенностями, а любое сооружение, созданное «из небольших блоков», которые уложены «рядом друг на друга»³¹. Это дает возможность «обобщать» разнородные памятники. А для того чтобы как-то объяснить их проникновение в глубины гор и на очень далекие расстояния друг от друга (Эгикал, Гинчи, Кумбулта и др.), создана «теория», по которой их строители делали «попытки» «в силу тех или иных причин освоить новые территории»³². К сожалению, причины движения в горы этих таинственных строителей не указаны, как и не указана их культурная принадлежность.

Подобная интерпретация как дольменов, так и памятников, не имеющих к ним прямого отношения, только мешает работе над сложными вопросами, связанными с западнокавказскими мегалитами.

Итак, изучив новейшие высказывания археологов, касающиеся западнокавказских дольменов, невольно приходишь к грустному выводу: местные сооружения не дают пока оснований подойти к приемлемому решению вопроса об их происхождении. Этому мешает и терминологическая путаница, и стремление видеть в деревянных Т-образных обкладках могилы Майкопского кургана своеобразный прототип для сложных конструкций каменных дольменов новосвободненского облика.

Я с удовольствием, следуя за английским исследователем К. Ренфрю³³, утверждал бы чисто местное происхождение мегалитов на Западном Кавказе, но здесь пока не найдены памятники предшествующего времени (типа каменных ящиков), как-либо связанные с ними. И наоборот, в Средиземноморье и более всего в Перинейском регионе имеются мегалиты, близкие западнокавказским. Вот почему мне представляется наиболее продуктивным и возможным поиск прототипов для дольменных сооружений Западного Кавказа именно в пределах Средиземноморья. Сознавая все трудности морских миграций³⁴, все же, вероятно, надо согласиться с тем, что только по морю «идея дольмена» вместе с живыми людьми могла появиться на черноморском Кавказе³⁵.

¹ Лесков А. М. Нове в стародавній історії Півдня України.— Укр. іст. журн., 1967, № 12; *Он же*. Керченская экспедиция в 1967 г.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968, вып. 2, с. 4—7.

² Лесков А. М. Курганы: Находки, проблемы. Л., 1981, с. 24.

³ Даниленко В. Н. Энеолит Украины: (Этноист. исслед.). Киев, 1974, с. 150, 151, рис. 75.

⁴ Щепинский А. А. Культура энеолита и бронзы в Крыму.— СА, 1966, № 2, с. 16—19, рис. 7, 8; *Он же*. О неолите и энеолите Крыма.— СА, 1968, № 1, с. 122—125.

⁵ Маркович В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с. 317, 318.

⁶ Нечигаило А. Л. Керамика майкопского типа в степной Украине как источник связей двух областей.— В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения. М., 1982, с. 15—17.

⁷ Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменов Северо-Западного Кавказа.— В кн.: Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры. М., 1974, вып. VII, с. 175—194.

⁸ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 318.

- ⁹ Малеев Ю. Н. Восточные рубежи распространения культуры шаровидных амфор.— В кн.: Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: (Тез. докл.). Оренбург, 1980, с. 30, 31.
- ¹⁰ Николаева Н. А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и средне-бронзового века на Северном Кавказе.— В кн.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980, с. 98—109, рис. 1, 2 (рисунки с искажениями).
- ¹¹ Николаева Н. А. Выделение..., с. 98.
- ¹² Соловьев Л. П. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры.— Тр. Абхаз. ин-та яз., лит. и истории. Сухуми, 1958, вып. XXIX, с. 150 и сл.
- ¹³ Федоров Я. А. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях.— Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1974, № 4, с. 81.
- ¹⁴ Отчеты Археологической комиссии за 1898 г. СПб., 1901, с. 33—36, рис. 48, 58.
- ¹⁵ Федоров Я. А. Горы и степь.— Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1978, № 1, с. 77.
- ¹⁶ Более подробно см.: Марковин В. И. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа.— КСИА, 1980, вып. 161, с. 41, 42.
- ¹⁷ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа: (Некоторые итоги изучения).— СА, 1973, № 1, с. 19—21, рис. 8.
- ¹⁸ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 73.
- ¹⁹ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с. 57.
- ²⁰ Воронов Ю. Н. Рец. на кн.: Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.— СА, 1980, № 3, с. 322.
- ²¹ Там же, с. 324, 325.
- ²² Чеченов И. М. Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 30.
- ²³ Формозов А. А. Каменный век и неолит Прикубанья. М., 1965, с. 100, 101.
- ²⁴ Формозов А. А. Рец. на кн.: Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.— СА, 1980, № 3, с. 319, 321.
- ²⁵ Джандиери М. И. Древнее башенное общинное жилище.— Вестн. древней истории, 1981, № 2, с. 152.
- ²⁶ Погребова М. Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы.— В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961, т. II, с. 101—111, рис. 1; Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 14, 104—106.
- ²⁷ Марковин В. И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии.— СА, 1970, № 4, с. 85—92, рис. 1—9.
- ²⁸ Нечигаило А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 72—74, рис. 27, 3—6.
- ²⁹ Нечаева Л. Г. Составные дольмены Осетии, Ингушетии, Карачая.— В кн.: Тез. докл., посвящ. итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологическая секция. Тбилиси, 1971, с. 65—67; Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа.— В кн.: V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 31, 32.
- ³⁰ Марковин В. И. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе.— КСИА, 1982, вып. 169, с. 26—31.
- ³¹ Нечаева Л. Г. Составные дольмены..., с. 66, 67.
- ³² Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Ирганайские гробницы..., с. 32.
- ³³ Renfrow C. Before civilisation. The radiocarbon revolution and prehistoric Europe. London, 1979, p. 219.
- ³⁴ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа и морские миграции в древности.— В кн.: Thracia — Pontica (Premier Symposium international), Pesumes. Sopot, 1979, p. 22, 23. Полный текст под тем же названием см.: Първи Международен симпозиум «Тракия Понтика I» (Созопол, 9—12 октомври 1979 година). София, 1982, с. 108—124, О морских миграциях с. 115, 116.
- ³⁵ В обсуждении доклада В. И. Марковина на Международном симпозиуме «Фракия — Понтика» (Созопол, Болгария, 1982 г.), по материалам которого написана публикуемая статья, приняли участие Я. Боушек (Чехословакия) отметивший важность факта, что автор не забывает видеть за мегалитами население, оставившее их. «Идея дольмена» несомненно могла быть принесена на Кавказ только живыми людьми, подчеркнул он. Я. Лихардус (ФРГ) заметил, что культура шаровидных амфор не связана с мегалитическими постройками, ее носители оставили в них лишь впускные погребения. Происхождение дольменов следует искать в Средиземноморье. Р. Ф. Ходдингот (Англия) сказал о важности изучения дольменов Западного Кавказа для исследования проблемы мегалитов в целом. Л. А. Гиндин (СССР) обратил внимание на борьбу мнений вокруг дольменов Кавказа и на меньшие сложности в изучении памятников древности, когда археологические данные перекрещиваются с языковедческими.